



Живет в Москве (Россия).

Февральский автобус

Этой зимою не в меру тепло
и оттого так промозгло.
Крутится радио – авто трепло
в шорохах сонного мозга.

...Руки шофёра, баранка руля...
И – занимаются бегом
чёрные рощи, сырая земля,
ямы с изглоданным снегом.

Я от дождя приезжаю к дождю.
Он моросит больше суток.
Осенью были, а нынче – тю-тю,
нет вдоль шоссе проституток.

Стая собак, да раскисшая даль
фоном собачьему порно.
Верись, не верись, но это февраль –
грязный, разъезженный, чёрный!

Никто

Мне сорок шесть. По жизни я – Никто.
Стою в пивной, со мною хрен в пальто.
Ещё два чела мутного разлива.
Одна тарань, четыре кружки пива.

Двум челам ночью был фартовый знак,
Зовут на дело, знают, что верняк.
А мне плевать на их блатные знаки
Мне хоть на брюхе, только б до Итаки.

Я столько шёл, по ходу столько видел!
Врагов при власти и друзей в Аиде.
Отмазался от смерти, на потом,
Не раньше, чем вернусь обратно в дом.

Тут хрен в пальто сказал: плохое дело,
Совсем моя подруга озвиздела,
У ней же хахали... Такая фря!
Пока не трону. Я подумал – зря.

И посредине этого рассказа
Подходит к нам громадный, одноглазый,
Не человек – чудовище, как есть –
Гора горою, под рубахой – шерсть.

Печаль по кружкам, говорит, разлита
На четверых. Я вижу: два бандита,
Угрюмый хрен в коричневом пальто.
Тебя не знаю. Как зовут? – Никто!

Никто – ответил я – стою, не прячусь,
Пусть Полифем ты, люди много злей.
Не брезгуй, выпей с нами за удачу
И, усмехнувшись, он кивнул – налей!

По полной, до краёв налил я жлобу.
(Махнул тому, в пальто, не трогать нож) ...
А сам решил – циклоп твоя утроба,
Прочна, как жбан, но нас не перепьёшь...

.....

Поймай меня, попробуй. Я – Никто.
Разоблачи по стершимся приметам.
Я уношусь на угнанном авто
Сквозь километры мглистого рассвета.

В порту Эгейском люди подсобят.
Я волен, хоть и спаян с остальными.
Как хорошо, что не сложилось имя,
(Иначе вовсе не найти себя).

Когда вернусь, тогда придёт само
Спокойствие – забуду штормы, драки,
Богов, полубогов, героев, мо...
Нет, море буду помнить и в Итаке...

Му-му

Станет ясно – запнёшься, немея,
а пока можешь врать – говори.
Посмотри: вот – ни бе и ни ме я,
хы... аым... временами – ыи...

К ночи ясность возьмёт и потащит,
те слова, что сказал – на убой
в подсознание, в комнату-ящик,
чёрный ящик для встречи с собой.

Как же? в замкнутом наглухо слове
всё живое навроде зека?
Не с того ли Тарковский в «Рублёве»
скомороха лишил языка?

Человек, что большая собака,
но собака так много не пьёт.
А на утро – под мусорным баком
целый эпос в надтреснутом – ёпт!

Сдохнет речь, не захочется гавкать,
в пустоте протрезвеют мозги
и прочтёшь с отвращением Кафку:
обля... родя... усседи... гыги...

О себе

Родился в подмосковном Ногинске, долгое время работал корреспондентом местного радио. Сейчас живу и работаю в Москве. Печатался в подмосковных газетах "Волхонка", "Богородские вести", в поэтических сборниках городов Черноголовка и Электроугли. В 2002 вышла книга стихов "Знакомые окна".

